

Амбициозный и самодостаточный, или Смена духовно-нравственных парадигм

Елена Викторовна Сенько, Северо-Осетинский государственный университет
(Россия, Владикавказ), senkoelena@yandex.ru

DOI: 10.31857/S0131611724020049

аннотация: В статье на примере так называемых модных слов современного русского языка рассматривается изменение значения словарных единиц, понятийной картины мира. В связи с происходящим процессом глобализации в сознании российского общества все чаще закрепляются ценности западного мира, нередко противоположные национальным традициям России. Цель статьи — рассмотреть переосмысление значения слов в свете изменения российских культурно-нравственных принципов. Установлено, что воспринимаемый чужой концепт не всегда полностью ассимилируется в понятийной картине мира принимающего народа, оставаясь чуждым по отношению к ее специфике. В связи с этим можно наблюдать своего рода расщепление смысла одинаковых слов у разных групп населения одного и того же социума. Отдельные группы говорящих могут, например, вкладывать в эти слова другое оценочное значение. Таким образом, возникает конфликт между употреблением слова в новом значении и традиционными национальными образами, присущими русскому менталитету. В свою очередь в языковой личности современного русского человека, который осознает традиционный социальный идеал, но объективно вписывается при этом в новую цивилизацию, возникает смешение противоречивых идей.

ключевые слова: языковая картина мира, языковая личность, концепт, расщепление значения, коннотация, сема, менталитет, эклектика

для цитирования: Сенько Е. В. Амбициозный и самодостаточный, или Смена духовно-нравственных парадигм // Русская речь. 2024. № 2. С. 52–64. DOI: 10.31857/S0131611724020049.

Issues of Modern Russian Language

Ambitious and Self-Sufficient, or the Change of Spiritual and Moral Paradigms

Elena V. Sen'ko, North Ossetian State University (Russia, Vladikavkaz), senkoelena@yandex.ru

ABSTRACT: Using the example of so-called fashionable words of the modern Russian language, the article examines the change in the meaning of vocabulary units that represent current fragments of the conceptual and pragmatic picture of the world. In connection with the ongoing process of globalization, the values of the Western world, often contrary to the national traditions of Russia, more and more often become fixed in Russian cultural and moral principles. The purpose of the article is to rethink the meaning of the words in the light of changes in Russian cultural and moral principles. It has been established that a perceived foreign concept is not always completely assimilated into the conceptual picture of the world of the recipient nation, remaining alien in relation to its specifics. In this regard, one can observe a kind of splitting of the meaning of the same words among different population groups of the same society. For example, different groups of speakers may attribute different evaluative meaning to these words. Thus, there is a conflict between the use of the word in a new meaning and traditional national images inherent in the Russian mentality. In turn, in a linguistic personality of a modern Russian person, who is aware of the traditional social ideal, but at the same time objectively fits into a new civilization, various contradictory ideas might clash together.

KEYWORDS: linguistic picture of the world, linguistic personality, concept, splitting of meaning, connotation, seme, mentality, eclecticism

FOR CITATION: Sen'ko E. V. Ambitious and Self-Sufficient, or the Change of Spiritual and Moral Paradigms. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 2. Pp. 52–64. DOI: 10.31857/S0131611724020049.

XXI век — время интенсивных перемен в русском языке. Свидетельство этому — многие факты, в частности активное пополнение лексики, обусловленное несколькими причинами, в числе которых большое число иноязычных заимствований, размытость функционально-стилевых границ, так называемая либерализация языка, способствующая повышению лексического статуса жаргонно-арготического пласта русского словаря, возникновение письменной непринужденной речи и т. д. В связи с этим наблюдается изменение языкового вкуса носителей русского языка и, соответственно, их речевого поведения. Ряд лингвистов объясняют сложившуюся ситуацию «порчей» традиционного русского языка, предвещая его грядущую гибель (см. об этом [Кронгауз 2006: 5]). Однако «дело не в порче языка, а в том, что неприметным образом циническое представление о мире подается как нечто само собою разумеющееся, не имеющее альтернатив» [Шмелев 2007: 9]. Таким образом, особые беды русскому языку не грозят, но подобные утверждения не беспочвенны и поэтому требуют некоторого внимания.

Известно, что в языке отражается объективная действительность. Представления о мире, входящие в семантику лексических единиц, складываются в специфическую общенародную систему взглядов. Человек принимает эти представления непроизвольно, ибо они скрыто входят в семантическую структуру слова. Употребляя в процессе коммуникации различные языковые единицы, содержащие определенные смыслы, носитель языка автоматически воспринимает и заключенное в словах осмысление окружающего мира, то есть его концептуализацию.

В структуре концепта — комплексного мыслительного образования — обычно выделяют «образно-перцептивный и понятийный компоненты и ценностную составляющую» [Карасик 2004: 118]. Наличие указанных компонентов указывает на связь концепта, во-первых, с языком — определенной структурой и системой знаков, во-вторых, с человеком и его деятельностью (мыслительной, речевой), в-третьих, с культурой, если исходить из рассмотрения последней как определенной системы ценностей и идей. Таким образом, основу концепта составляет чувственный образ,

к которому привязаны знания о мире. В языке происходит объективация (опредмечивание) концепта с помощью различных способов, прежде всего словами.

Существуют концепты, стабильные в плане своего содержания, и концепты, составляющие которых неоднородны в языковом сознании отдельных лиц, социальных групп и народов. Неоднозначно воспринимаемые концепты могут вступать в конфликты с чуждыми концептосферами, что проявляется прежде всего в несовпадении ценностных компонентов понятия. Именно в таком ключе можно посмотреть на многие слова современного русского языка, которые активно употребляются в повседневной речи многих людей.

Целый ряд таких слов связан, как утверждается, с получившей широкое признание в современном российском обществе идеологией карьеры и наслаждения, что в русской культуре никогда не рассматривалось как необходимая жизненная ценность. Сейчас же достижение популярности, славы, выгоды, то есть социальный рост — основополагающее условие признания престижа той или иной личности в определенном обществе. В связи с этим прилагательное *амбициозный* представляется нам одним из самых востребованных в современном русском языке.

Слово *ambitio* «тщеславие, честолюбие, рвение» латинского происхождения; сохраняя негативную оценку, оно пришло к нам не прямо, а через язык-посредник, в роли которого выступил французский язык. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля приводится аналогичное негативное определение данного имени прилагательного — «себялюбивый, тщеславный, жадный до почестей» [Даль 2006: 69]. Такое определение присутствует и в поздних редакциях «Словаря русского языка» С. И. Ожегова, где приведены два значения производящего слова *амбиция*: «1) обостренное самолюбие, а также спесивость, чванство, 2) обычно мн. претензии, притязания на что-либо (неодобр.)» [Ожегов 2019]. Интересно заметить, что в более раннем издании «Словаря русского языка» С. И. Ожегова под редакцией С. И. Обнорского в определении рассматриваемого слова присутствует и положительный компонент: «самолюбие, *чувство чести* (выделено мною — Е. С.), а также спесивость, чванство» [Ожегов 1949: 10]. Однако в позднейшей лексикографической практике положительные характеристики амбициозного человека не отмечаются. Ср.: «обостренное самолюбие, чрезмерное самомнение; чванство, спесь» [Ефремова 2006: 46]; «преувеличенное самолюбие, соединенное с тщеславием» [Алабугина 2016: 16].

По мнению ряда исследователей, в современном употреблении слово *амбициозный* функционирует в новом лексическом значении: оно обозначает нечто «значительное, ориентированное на решение актуальных за-

дач» [Апресян (ред.) 2014: 77]. Таким образом, в семантической структуре данного имени прилагательного прагматический¹ компонент резко изменился, сменив минус на плюс, то есть приобрел положительную коннотативную² окраску. Семантическая трансформация обусловила новую сочетаемость слова. Если раньше прилагательное *амбициозный* соединялось с названиями лиц, то в настоящее время определяемое слово обозначает и объект деятельности того или иного лица, и результат этой деятельности: программу, проект, план: *С помощью частных инвестиций предприятие воплотит в реальность амбициозный план, который поможет ему занять лидирующую позицию в отрасли* (Известия, 2020.12)³.

Сомнительно, что рассматриваемое новшество возникло в самой русской языковой системе в результате семантического процесса не прямой номинации: в национальном русском мировосприятии амбициозный человек всегда характеризовался только с отрицательной стороны, ибо был представлен как обладатель только негативных моральных черт, в частности корыстолюбия, высокомерия и подлости. Изменение значения рассматриваемого прилагательного есть результат семантического калькирования соответствующего английского слова, которое в отличие от русского соответствия обозначает признак целеустремленного человека, который, ставя себе сложные задачи, претендует на высокую оценку результатов своей деятельности [Маринова 2012: 62]. Однако воспринимаемый чужой концепт, как уже отмечалось, не всегда ассимилируется в понятийной картине мира принимающего народа — он может сохранять статус чужеродного элемента. «Иногда концепт заимствуется в “исходном” виде, и это влечет за собою перестройку соответствующего фрагмента языковой картины мира» [Шмелев 2009: 21].

Аналогичная ситуация сложилась и при вторичном заимствовании имени существительного *амбиции*: вместе со словом был импортирован и чуждый русскому человеку, его национальному сознанию концепт, который, однако, легко оказался в приоритете в современной системе морально-нравственных ценностей значительной части русских людей. Таким образом, семантический неологизм, появившейся в современном русском языке, был обусловлен пересмотром ценностных ориентиров в российском обществе. Амбициозный человек становится своего рода приоритетом в социальной градации, в иерархии от низшего к высшему, а постоянное стремление достичь желаемого любой ценой, не ограничиваться тем, что

¹ То есть выражающий в процессе коммуникации отношение человека к компонентам языка, например, к словам, а через них — к самим обозначаемым предметам, явлениям.

² Коннотативный — выражающий эмоциональную, стилистическую или оценочную окраску языковой единицы.

³ Примеры здесь и далее взяты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

у тебя есть, превращает такого человека в некоего «достигатора». «Достигаторство» и есть лейтмотив в жизни амбициозного человека.

Однако, хотя сейчас высокие идеалы и устремления не приветствуются речевой модой (на первом плане теперь только амбиции) и многочисленными контекстами, в которых фигурирует слово *амбициозный*, оцениваются явно положительно, нельзя сказать, что слово полностью утратило негативный оценочный компонент.

Возникает вопрос почему.

Во-первых, достаточно значительное количество современных контекстов употребления слова *амбициозный* свидетельствует об актуальности его традиционной семантики и негативной прагматической окраске. См., например: *Может ли случиться так, что грант получит не гениальный ученый, а посредственный, но амбициозный?* («Русский репортер», № 28 (156), 2010); *Вместо образованного, гуманного человека — в результате опытов получился властный невежда, крикливый и амбициозный* (М. К. Кантор. Медленные челюсти демократии. 2008).

Во-вторых, очевидно, следует говорить о том, что именно идеологическая дифференциация современного социума, то есть внешний (экстралингвистический) механизм обусловил «двуликость» рассматриваемого речевого феномена. Слово *амбициозный* употребляется с положительной окраской той частью современного российского общества, которой импортируют западные моральные ценности. По мнению же других социальных слоев, новая система не может способствовать духовно-нравственной оптимизации современного состояния общества, привести к тем или иным положительным результатам: амбициозные в новом понимании люди фактически очень часто имеют статус весьма удовлетворительных сотрудников.

Таким образом, можно констатировать расщепление понятийной структуры лексической единицы, обуславливающее возникновение нетождественной семантики слова у разных групп населения определенного социума. Происходит конфликт употребления слова в новом значении с традиционными национальными образами, присущими русскому менталитету. Подобные явления в языке не есть нечто неординарное: бесспорно, что отношения между средствами языка и теми, кто ими пользуется, часто зависят от идеолого-политической позиции носителей языка. В свое время А. И. Солженицын тонко подчеркивал разное «понимание» одних и тех же слов представителями одной этнической общности: «Несчастливая страна, в которой демократ и патриот — слова ругательные» (Комсомольская правда, 19.09.9).

Как известно, каждое общество в лице своих членов неизбежно дает оценку всему окружающему: на основе этой оценки осуществляется

поведение людей, формируются их взгляды, межличностные отношения, оцениваются жизненные обстоятельства. Примером сказанного может служить имя прилагательное *самодостаточный*, которое ассоциируется со стремлением к личной независимости. Именно данная причина способствовала тому, что в современной речевой практике это слово весьма частотно, как отвечающее языковому вкусу целого ряда носителей русского языка. Стали привычны *самодостаточные люди, самодостаточный индивид, самодостаточный образ* и т. п. Наиболее частотно словосочетание *самодостаточный человек (мужчина, женщина, подросток, специалист, субъект и т. п.)*. Самодостаточность стала основой образа жизни многих людей.

Какие же базовые характеристики создают стереотипное представление о самодостаточном человеке?

В «Толковом словаре русского языка» прилагательное *самодостаточный* зафиксировано в значении «достаточно значительный сам по себе» с пометой «книжн.» [Ожегов 2019]. В «Энциклопедическом словаре» с той же самой функционально-стилевой пометой толкуются два лексико-семантических варианта рассматриваемого прилагательного: «обеспечивающий вполне достаточные условия для кого-чего-л. без привлечения чего-л. другого, дополнительного» и «о человеке, обладающем большой степенью внутренней независимости» [Энциклопедический словарь 2009]. «Большой академический словарь русского языка» характеризует *самодостаточного человека* как «обладающего большой степенью собственной независимости, не нуждающегося в чьей-л. помощи, поддержке и т. п.» [Герд (ред.) 2017: 295].

Итак, самодостаточному человеку никто не нужен, он сам себе достаточен; данная семантика мотивируется словообразовательной структурой прилагательного: «сам- + -о- + достаточ- + -н- + -ый»: *У меня никогда не было ощущения одиночества, я самодостаточный человек* (Аргументы и факты, 2000.01); *Она бы не удивилась, если бы узнала, что Игорь правда живет один — был он какой-то весь самодостаточный, будто никто ему и не был нужен* (А. Б. Сальников. Петровы в grippe и вокруг него // «Волга», 2016).

Интересно, что термин *самодостаточность* как заглавное слово словарной статьи в лексикографических справочниках отсутствует. «В роли синонима к данному имени существительному выступает греческое слово *автаркия* (αὐτός “сам” и κράτος “нахожусь в достатке”) — самодостаточность, самоудовлетворенность; ...достигнуть автаркии согласно учению греческого философа Антисфена... человек может только путем ограничения своих потребностей, проводя жизнь в труде, избегая наслаждения

и роскоши, портящих человека» [Нахов 1982: 223]. Современный самодостаточный человек, конечно, далек от того, кто достиг автаркии.

Толкование прилагательного *самодостаточный* в словарях и контексты его употребления позволяют выделить в его лексическом значении следующие элементы (дифференциальные семы):

- самостоятельный, уверенный в себе, даже самоуверенный: *Нуреев с журнальных обложек — усмехающийся, самодостаточный, презирующий само понятие «хорошего вкуса» и уверенный, что ему принадлежит мир* (lenta.ru, 2017.12);
- независимый, не поддающийся чужому влиянию: *Эксперт подчеркнул, что госсекретарь США Кондолиза Райс — самодостаточный политик и не стоит ожидать, что новый человек окажет на нее влияние* (РБК Daily, 2007.12);
- не нуждающийся в чьей-либо помощи, при этом не опасющийся оказаться в одиночестве: *Но я самостоятельный и самодостаточный человек, способный выдержать и одиночество, и свою незавидную свободу* (Труд-7, 2007.12);
- способность к принятию жизненных выборов и решений, невзирая на общественное мнение: *Мы долго спорили, но переубедить Неёлову оказалось невозможно — она абсолютно самодостаточный человек* (Аргументы и факты, 2006.04);
- умение выживать в любой неблагоприятной обстановке: *...ничего вечного в этой жизни не бывает: «Пока же я готов работать столько, сколько мне будет позволено. Я — вполне самодостаточный человек. И боязни вновь перейти, что называется, на творческие хлеба, у меня нет»* (Аргументы и факты, 1999.01);
- думающий только о личном успехе: *Юра Самохвалов, он же Олег Басилашвили — человек с говорящей фамилией, Само-хвалов, самодостаточный... карьерист, не прочь загрести жар чужими руками* (Форум: рецензии на фильм «Служебный роман». 2006–2010);
- ставящий на первое место свои интересы, игнорируя интересы других людей: *Я самодостаточный человек и могу себе позволить заниматься тем, что мне нравится* (Ведомости, 2018.06);
- считающий, что высокий уровень материальной обеспеченности есть необходимое условие жизни: *Я тут вывел обобщенный образ современного сенатора от Петербурга — это кто-то из крупных промышленников или банкиров, завязанный на город, финансово самодостаточный* (Коммерсант, 2001.06); — *Сможете ли вы обеспечить Наталье «королевскую» жизнь, к которой она привыкла... — Наталья — самодостаточный человек* (Аргументы и факты, 2002.03).

Психологи утверждают, что в настоящее время самодостаточность как личностная черта, определяющая человеческий характер и природу, становится одной из определяющих «маркеров» современного члена общества. Этому способствуют определенные социальные факторы, а именно:

- современные технологии, обеспечивающие возможность выполнения многих процессов, в том числе хозяйственных, цифровыми системами (никто не сомневается, например, в том, что с уборкой может успешно помочь робот-пылесос, а умный холодильник напомнит о необходимости совершить покупки);
- гендерное равенство, позволившее обеспечить равные возможности сделать карьеру лицам обоих полов, что исключило необходимость женщинам обязательно выходить замуж, чтобы иметь финансовую подушку безопасности;
- процесс урбанизации, обуславливающий приоритет городского образа жизни, что в свою очередь обуславливает большие возможности карьерного роста и, соответственно, самореализации [Иваницкая 2021];
- определенную роль сыграла пандемия COVID-19, которая также способствовала развитию самодостаточности не только индивидуумов, но и отдельных социальных групп.

Процесс актуализации самодостаточности прямо противоположен процессу глобализации, так как он обуславливает дифференциацию различных систем, способствующую возникновению отдельных самообслуживающихся социальных групп. Современная социологическая наука квалифицирует сложившуюся ситуацию как актуальный тренд в развитии российской социальной реальности.

Тем не менее нельзя категорически утверждать положительную прагматическую семантику рассматриваемого слова, поскольку в нее вкладывается не всегда позитивная характеристика человека, что подтверждают примеры словоупотреблений Национального корпуса русского языка; имеют место и такие речевые контексты, которые демонстрируют ярко выраженное отрицательное отношение субъекта к данному феномену.

Ср. следующие полярные примеры:

Россия — самодостаточный культурно-цивилизационный феномен, со своим историческим кодом, системой архетипов социальности, культуры, духовности... (Парламентская газета, 2018.11); «Мы самодостаточная страна, у нас абсолютно самодостаточный президент с не меньшим опытом, чем у господина Байдена», — заявил представитель Кремля... (Vesti.ru, 2020.12).

Он тяжелый человек: самодостаточный, где-то даже самовлюбленный (Советский спорт, 2008.02.15); *А там, где существует неуправляемый, самодостаточный госаппарат, там, естественно, и коррупция* (Комсомольская правда, 2005.07).

В зависимости от того, какой семантический признак в семантической структуре прилагательного *самодостаточный* воспринимается в качестве актуального, в речевой практике носителей языка проявляются и разные оценки самодостаточного человека: если в приоритете такие характеристики, как «самоуверенный, самовлюбленный, безразличный по отношению к другим», то самодостаточный человек воспринимается явно с отрицательной точки зрения; если же самодостаточность понимается как черта цельной, независимой личности, то есть человека с социально значимыми качествами, то самодостаточный человек оценивается положительно.

Таким образом, в современном русском языке понятие «самодостаточный человек» не имеет четкого определения, а отношение к самодостаточным людям не является однозначным; их оценка двойственна.

Может ли самодостаточность повлиять на наше будущее? Действительно ли нам больше не нужны несамодостаточные люди? И неамбициозные? На данный момент развития российского общества четкий ответ отсутствует, но, думается, определенные выводы все-таки можно сформулировать.

Как известно, менталитет нации является ярким отражением ее национальной идентичности. В центре русского менталитета находятся определенные предпочтения, в частности «внутреннее единение людей на основе общности духа ..., движение мысли возможно лишь в диалоге, а не в дискурсивной последовательности монолога, ... соборность — именно та целостность, которая и определяет все особенности русского менталитета [Колесов 1999: 135, 136]. В связи с этим все действия, мысли человека нравственны, что обуславливает вторичность приземленных, практических установок, если на первый план выходит более высокая, духовно окрашенная идея. Понятно, что слова *амбициозный* и *самодостаточный* понятийно и прагматически входят в конфликт с традиционными национальными образами. Языковая личность современного русского человека прекрасно осознает традиционный социальный идеал, к которому надо стремиться, но при этом эта же личность уже вписывается в новую цивилизацию. Возникающий внутренний конфликт обеспечивает «некую эклектику в языковой личности» современного носителя языка [Шаклеин 2012: 123]. Таким образом, по словам В. М. Шаклеина, современная русская языковая личность — своего рода котел с супом из несочетаемых

ингредиентов; какое блюдо будет в итоге, покажет история русской лингвокультуры. Теперь понятно, почему слова типа *амбициозный* и *самодостаточный* отрицательно воспринимаются приверженцами традиционных духовно-нравственных установок и положительно оцениваются сторонниками новой цивилизации. Хотя, может быть, следует обратить внимание на следующее утверждение: *Аутотропный (самодостаточный) человек — это новый вид на следующем этапе нашей эволюции* (Аргументы и факты, 2002.12)?

Литература

- Апресян Ю. Д. (ред.). Активный словарь русского языка. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2014. 408 с.
- Алабугина Ю. В. Толковый словарь русского языка с приложениями. М.: Издательство АСТ, 2016. 511 с.
- Герд А. С. (ред.). Большой академический словарь русского языка. Т. 24. М.: СПб.: Наука, 2017. 670 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт. М.: РИПОЛ классик, 2006. Т. 1. 752 с.
- Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка М.: АСТ, 2006. Т. 1. 1168 с.; Т. 3. 976 с.
- Иваницкая А. Эпоха самодостаточности: люди перестали быть нужными друг другу [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/tech/47094906-epoha-samodostatochnosti-lyudi-perestali-byt-nuzhnyimi-drug-drugu/> (дата обращения: 14.01.2023).
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004. 389 с.
- Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». СПб.: Златоуст, 1999. 386 с.
- Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2018. 512 с.
- Маринова Е. В. Могут ли амбиции быть здоровыми? // Русская речь. 2012. № 5. С. 57–63.
- Нахов И. М. Философия киников. М.: Наука, 1982. 223 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://avidreaders.ru/book/filosofiya-kinikov.html> (дата обращения: 14.01.2023).
- Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. С. П. Обнорского. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1949. 968 с.
- Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд. М.: Мир и образование, 2019. 1376 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://ibooks.ru/bookshelf/380010/reading> (дата обращения: 23.01.2023).
- Шаклеин В. М. Цивилизационная эволюция русской языковой личности // Язык как система и деятельность — 3. Материалы Международной научной конференции / отв. ред. Е. Я. Кедрова. Ростов н/Д: Изд-во НМЦ «Логос», 2012. С. 120–123.

- Шмелев А. Д. Эволюция русской языковой картины мира в аспекте культуры речи // Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы Международной научной конференции РОПРЯЛ / отв. ред. Л. И. Ручина. Нижний Новгород, 2007. С. 7–11.
- Шмелев А. Д. Русская языковая картина мира: системные сдвиги // Мир русского слова. 2009. № 4. С. 14–21.
- Храмцова Н. Л. Динамические процессы в прагматически маркированной лексике в русском языке в начале XXI века (на примере слова амбициозный) // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7. № 2. С. 143–158.
- Энциклопедический словарь (2009) [Электронный ресурс]. URL: <https://niv.ru/doc/dictionary/encyclopedia/index.htm> (дата обращения: 14.01.2023).

References

- Alabugina Yu. V. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s prilozheniyami* [Explanatory dictionary of the Russian language with applications]. Moscow, AST Publ., 2016. 511 p.
- Apresyan Yu. D. (ed). *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka* [Active Russian Dictionary]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2014. Vol. 1. 408 p.
- Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moscow, RIPOL Klassik Publ., 2006. Vol. 1. 752 p.
- Efremova T. F. *Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Modern explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, AST Publ., 2006. Vol. 1. 1168 p.; Vol. 3. 976 p.
- Entsiklopedicheskii slovar' (2009)* [Encyclopedic Dictionary (2009)]. Available at: <https://niv.ru/doc/dictionary/encyclopedia/index.htm> (accessed: 14.01.2023).
- Gerd A. S. (ed.). *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [Big academic dictionary of the Russian language]. Vol. 24. Moscow, St. Petersburg, Nauka Publ., 2017. 670 p.
- Hramcova N. L. [Dynamic processes in pragmatically marked vocabulary in the Russian language at the beginning of the 21st century (using the example of the word ambitious)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2017, vol. 7, no. 2, pp. 143–158. (In Russ.)
- Ivanickaya A. *Epoha samodostatochnosti: lyudi perestali byt' nuzhnyimi drug drugu* [The era of self-sufficiency: people no longer need each other]. Available at: <https://news.rambler.ru/tech/47094906-epoha-samodostatochnosti-lyudi-perestali-byt-nuzhnyimi-drug-drugu/> (accessed: 14.01.2023). (In Russ.)
- Karasik V. I. *Yazykovoi krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, GNOZIS Publ., 2004. 389 p.
- Kolesov V. V. *"Zhizn' proiskhodit ot slova..."* ["Life comes from the word..."]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 1999. 386 p.
- Krongauz M. *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva* [Russian language on the verge of a nervous breakdown]. Moscow, AST: CORPUS Publ., 2018. 512 p.

- Marinova E. V. [Can ambition be healthy?]. *Russkaya rech'*, 2012, no. 5, pp. 57–63. (In Russ.)
- Nahov I. M. *Filosofiya kinikov* [Cynic Philosophy]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 223 p. Available at: <https://avidreaders.ru/book/filosofiya-kinikov.html> (accessed: 14.01.2023).
- Ozhegov S. I. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian language]. Ed. by L. I. Skvortsov. Moscow, Mir i Obrazovanie Publ., 2019. 1376 p. Available at: <https://ibooks.ru/bookshelf/380010/reading> (accessed: 14.01.2023).
- Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Ed. by S. P. Obnorsky. Moscow, State Publ. House of Foreign and National Dictionaries, 1949. 968 p.
- Shaklein V. M. [Civilizational evolution of the Russian language personality]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii "Yazyk kak Sistema I deyatel'nost' – 3"* [International scientific conference "Language as a system of ideas – 3"]. Rostov n/D, 2012, pp. 120–123.
- Shmelev A. D. [Russian language picture of the world: system shifts]. *Mir russkogo slova*, 2009, no. 4, pp. 14–21. (In Russ.)
- Shmelev A. D. [Russian literature in the context of world culture]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii ROPRYaL "Russkaya slovesnost' v kontekste mirovoi kul'tury"* [Proc. of the International scientific conference "Russian literature in the context of world culture"]. Nizhnii Novgorod, 2007, pp. 7–11. (In Russ.)